

ПУБЛИКАЦИИ ПО ДИССЕРТАЦИОННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

УДК: 94(38). 03

М. В. Поникаровская

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЭСХИЛА

Эсхил, великий греческий трагик, жил в конце VI — первой половине V в. до н. э., в ту эпоху, которая и самими греками, и всей последующей культурой всегда расценивалась как эпоха величайшего подъема — общественного, политического, идеологического и художественного. Первая половина V в. до н. э. — это прежде всего эпоха Греко-персидских войн, в которых новая Греция побеждала старый деспотический Восток. Победы при Марафоне, у Саламина и при Платеях навсегда остались в памяти греков как символ их небывалого патриотизма и нерушимого единства всего эллинского мира в борьбе за свою независимость. Патриотический подъем во время борьбы за отечество и свободу создавал особое настроение, заставлял усиленно работать воображение, так что все воспоминания об этих событиях насыщены пафосом героики, рассказами о чудесных подвигах и даже о помощи богов. В жизнеописании Тесея Плутарх упоминает интересный факт: многие воины, сражавшиеся с персами при Марафоне, увидели Тесея в полном вооружении, несущегося на неприятеля впереди греческих рядов (Plut. Thes., 35). Греко-персидские войны в литературной традиции греков во многом оказываются сравнимыми по своему масштабу и значению со знаменитыми событиями мифологического прошлого, с подвигами, которые совершали древнегреческие герои под стенами Трои и Фив.

В своей трагедии «Персы» Эсхил представляет афинским зрителям сюжет из недавней истории Эллады, описывая разгром флота Ксеркса в морском сражении при Саламине в 480 г. до н. э. В связи с этим для исследователя чрезвычайно интересен вопрос о том, насколько точен автор художественного произведения при изображении реальных исторических событий. В чем Эсхил видел назначение этой трагедии, принимая во внимание то, что драматические представления у греков никогда не были простым развлечением? Ведь в условиях демократии театр стал еще одной общественной ареной, где формировались и проявлялись настроения демоса и происходило состязание мнений.

Биографические сведения об Эсхиле, как и о других греческих драматургах, не слишком обширны. Наши сведения восходят главным образом к жизнеописанию, предпосланному его трагедиям в рукописи XI в. Согласно этим данным, Эсхил, сын Эвфориона, родился в местечке Элевсине близ Афин около 525 г. до н. э. Он происходил

из знатного рода, который, по-видимому, имел отношение к Элевсинским мистериям. Семья Эсхила принимала деятельное участие в войне с персами. Его брат Кинегир умер от ран, полученных при Марафоне, когда пытался овладеть неприятельским кораблем (Her., VI, 114). Другой брат, Аминий, в битве при Саламине командовал кораблем, начавшим сражение (Diod., XI, 27). Сам Эсхил сражался при Марафоне, при Саламине и при Платеях. Под конец жизни он переселился на остров Сицилию, где и умер в 456 г. в городе Геле. Там он и погребен. Надгробная надпись (Vit. Aesch., 11), будто бы сочиненная самим Эсхилом и, во всяком случае, относящаяся к его времени, гласит:

Эвфорионова сына Эсхила афинского гроб сей
Меж хлебородных полей Гелы останки хранит.
А Марафонская роща да мидянин длинноволосый
Могут про доблесть его славную всем рассказать.

[1, с. 198]

В этой надписи обращает на себя внимание то, что автор ни словом не упоминает о литературной деятельности Эсхила. Очевидно, важнейшим подвигом и назначением своей жизни Эсхил считал защиту отечества. Этим определялось и мировоззрение великого трагика.

Античные ученые насчитывали в литературном наследии Эсхила 90 драматических произведений (трагедий и сатировских драм). Целиком сохранились только семь трагедий, в том числе одна полная трилогия. Кроме того, 72 пьесы известны нам по заглавиям, из которых обычно явствует, какой мифологический материал в пьесе разрабатывался. Фрагменты их, однако, немногочисленны и невелики по размеру. Как следует из дидаскалии, сохранившейся почти во всех рукописях, трагедия «Персы» была поставлена в 472 г. до н. э. в составе тетралогии, в которую входили также трагедии «Финей», «Главк» и сатирическая драма «Прометей — огневозжигатель» [2, с. 527]. Уникальной трагедию «Персы» делает то, что в ее основе лежат не мифические, а реальные исторические события.

Фабулы почти абсолютного большинства аттических драм были сотканы из мифов о богах и героях и рассказывали грекам истории из далекого прошлого. Но почему древнегреческие драматурги и сам Эсхил предпочитали мифическое прошлое настоящему? Сюжеты мифов были известны всем эллинам с малых лет, поэтому даже мельчайшие изменения автором деталей повествования заставляли зрителя искать причину этих изменений и проводить параллели с современной действительностью. Таким завуалированным способом, посредством художественных образов, обсуждались самые сложные вопросы из жизни общества. Театр, по сути, представлял собой вторую еkkлeсию, одну из форм выражения сущности идеи народоправства. Характерно, что Платон ставит в один ряд народное собрание, суды и театр, так что их сопоставление не является столь необоснованным, как это может показаться на первый взгляд. В своем трактате о государстве он пишет, что граждане густой толпой заседают в народных собраниях, либо в судах, либо в театрах, и с превеликим шумом частью отвергают, а частью одобряют чьи-либо выступления или действия, переходя меру и в том и в другом (Plat. Resp., 492 b-c). Таким образом, миф, несмотря на то, что ставил автора в определенные рамки, как ни парадоксально, предоставлял все же пространство для творчества и свободу выражения своей гражданской позиции.

Кроме того, обращение к событиям современности было в некоторых случаях даже небезопасным для автора драмы. Нам известен, например, случай, произошедший с одним из первых трагических поэтов Фринихом [3, р. 221]. В «Истории» Геродота рассказывается, что когда Фриних поставил на сцене свою драму «Взятие Милета», носившую злободневный характер, так как в ее основе лежали недавно разыгравшиеся события, также из истории Греко-персидских войн (подавление восстания ионийцев и разрушение персами малоазийского города Милета в 494 г. до н. э.), все зрители залились слезами. Фриниху был присужден штраф в 1 тыс. драхм за то, что он напомнил афинянам о несчастьях близких людей. Кроме того, было постановлено, что впредь эта трагедия не должна ставиться на сцене (Her., VI, 21).

Таким образом, трагедия «Персы» являет собой редчайшее исключение — это единственная из дошедших до нас аттических трагедий, сюжет которой касается современной автору истории. Однако близость по времени компенсируется здесь отдаленностью в расстоянии: действие драмы происходит в Сузах [3, р. 221]. Время действия — 480 г. до н. э., когда персидское войско потерпело сокрушительное поражение в Греции. Сам автор, Эсхил, как уже говорилось выше, был непосредственным участником сражений при Марафоне и Саламине. Таким образом, трагедия позволяет нам взглянуть на события Греко-персидских войн глазами современника, а это дает повод считать, что за исключением отдельных неточностей, «Персы» рисуют вполне реальную картину состояния обеих борющихся сторон и в значительной мере являются первоисточником для истории Греции этого периода.

Но будучи правдивой в основных моментах повествования, является ли эта трагедия Эсхила достоверной в мелких подробностях исторических событий? «Персы» были поставлены спустя восемь лет после победы греков у Саламина, и в памяти зрителей, без сомнения, были живы подробности военных событий недавнего прошлого. Мог ли автор позволить себе исказить факты, связанные с историей этой войны? Безусловно, трагик вряд ли бы решился прибегнуть к прямой фальсификации фактов в своей драме, ведь публика, которая знала правду, не одобрила бы подобной дерзости [4, р. 1]. Однако это касается скорее ключевых моментов тех или иных событий, представленных в художественном произведении, а не их деталей. Не следует забывать и о том, что любое произведение искусства или литературы, повествуя о реальном историческом событии, всегда предлагает лишь интерпретацию этого события, не претендуя на абсолютную фактическую достоверность. Так и Эсхил представляет свое видение истории Греко-персидских войн.

Конечно, при всех обстоятельствах, посредством которых Эсхилу стали известны некоторые существенные исторические детали, роль воображения не следует полностью отвергать, особенно в связи с тем, что драматург первым из греческих авторов, произведения которых полностью сохранились до нашего времени, воспроизводит стереотипный образ персов и Персии, впоследствии закрепившийся в общественном сознании и идеологии греков и, в частности, афинян. Фактологическая составляющая трагедии, как кажется, не должна выноситься исследователями на первый план, поскольку это прежде всего художественное произведение. И гораздо более интересны в нем идейная и эмоциональная составляющие, ведь они позволяют проникнуть в мировоззрение автора, человека, жившего в эту эпоху, и дают возможность понять, как воспринимали греки войну с персами и победу над ними.

Войну греков против Персии можно определить как освободительную. Характер ее как войны освободительной подчеркивается и в греческой историографии. Так, например, Геродот передает следующие слова Мильтиада, который обращаясь к полемарху Каллимаху перед сражением при Маратоне, сравнивает последнего с афинскими тираноубийцами Гармодием и Аристокитоном, составившими в 514 г. до н. э. заговор против тирана Гиппия, сына Писистрата, и почитавшимися после свержения тирании как величайшие национальные герои: «В твоих руках, Каллимах, сделать афинян рабами или же, освободив их, воздвигнуть себе памятник навеки, какого не воздвигали себе даже Гармодий и Аристокитон... Присоединись к моему совету, и твой родной город будет свободен и станет самым могущественным городом в Элладе» (Her., VI, 109; пер. Г. А. Стратановского). В другом месте своего труда Геродот, передавая одно из известных ему и относящихся к описываемым событиям предсказаний, вновь связывает военную победу греков со свободой отчизны:

Медь будет с медью сходиться. Арес же пучину
Кровью окрасит морскую. Тогда день свободы Элладе
Дальногремящий Кронид принесет и владычица Ника.
(Her., VIII, 77; пер. Г. А. Стратановского)

Эта тема звучит и в сочинениях более поздних авторов, обращавшихся к событиям Греко-персидских войн. По словам Плутарха, Аристид «неустанно призывал греков защищать свободу» (Plut. Aristid., 8; пер. С. П. Маркиша). Великое мужество, героизм и патриотизм проявили греки в ходе борьбы за независимость родины.

Действие трагедии происходит в одной из столиц Персии — в Сузах. Старейшины города, так называемые «верные», составляющие хор, собираются ко дворцу и вспоминают о том, как отправилось в Грецию огромное войско персов. Мать царя Ксеркса Атосса, оставшаяся в качестве правительницы, сообщает о виденном ею недобром сне. Хор советует молить о помощи тень ее покойного супруга Дария и характеризует страну и народ Греции. В это время появляется вестник, который сообщает о полном разгроме персидского флота при Саламине. Этот рассказ составляет центральную часть произведения. После этого царица совершает жертвенные обряды на могиле царя Дария и вызывает его тень. Дарий объясняет поражение персов как кару богов за чрезмерную надменность Ксеркса и предсказывает новое поражение под Платеями. После этого появляется сам Ксеркс и оплакивает свое несчастье. Хор присоединяется к нему, и трагедия заканчивается общим плачем.

Эсхил глубоко проникает в исторический смысл Греко-персидских войн: ему удается не только оценить героизм борьбы греческого народа за его независимость, но и усмотреть в войне с Персией столкновение двух систем, эллинской и восточной. Эсхил видит разницу между системами в первую очередь в характере государственного устройства, в противоположности восточной монархии и греческого полиса. В этом плане символичны образы из сновидения царицы Атоссы: «Мне две нарядных женщины привиделись: одна в персидском платье, на другой убор дорийский был» (Aesch. Pers., 181–183; пер. С. Апта). Приснившиеся царице женщины — символические фигуры, олицетворяющие Персию и Грецию. Когда, продолжает Атосса, ее сын, царь Ксеркс, попытался надеть на обеих женщин ярмо и впрячь их в колесницу, «одна из них послушно удила взяла, зато другая, взвившись, упряжь конскую разорвала руками, вожжи сбросила и сразу же сломала пополам ярмо» (Aesch. Pers., 194–197; пер. С. Апта).

Сами эти образы — ярмо, сбруя — уже достаточно многозначительны. Далее противопоставление Греции и Персии усугубляется противопоставлением эллинов, свободно строящих свою судьбу, и восточного народа, лежащего ниц перед деспотом и раболепно выполняющего волю этого последнего, все его преступные замыслы. «Кто же вождь у них и пастырь, кто над войском господин?» (Aesch. Pers., 241; пер. С. Апта) — спрашивает, имея в виду греков, персидская царица, не представляющая себе никакой другой формы правления кроме автократической. И получает от хора ответ: «Никому они не служат, не подвластны никому» (Aesch. Pers., 242; пер. С. Апта). И когда выясняется, что сон Атоссы сбился, что Ксеркс наголову разбит греками, Эсхил, опять-таки устами персидского хора, делает из этого настолько общие и далеко идущие выводы, что можно уже говорить о противопоставлении двух укладов жизни, один из которых «варварский», а другой — достойный человека, цивилизованный: люди больше не будут падать в страхе наземь и держать язык за зубами, потому что тот, кто свободен от ига, свободен и в речи.

В трагедии Эсхил использует множество противопоставлений: эллины и варвары, свободные и рабы, царь и подданные, трусливые и смелые. Так, например, противопоставление варварского и греческого тесно переплетается с противопоставлением мужского и женского начал. Персы в трагедии называют сами себя варварами, используя греческий термин, обозначающий «не эллина». И это, конечно, выдает то, что они говорят устами автора-грека. Потому многие исследователи, например Н. Рабинович, советуют относиться критично к образу персов, созданному Эсхилом. Ведь изображение «другого» в трагедии используется с целью определения «себя», а не понимания «другого» [5, р. 90]. Иными словами, греки осознавали свою этническую идентичность посредством противопоставления себя негрекам — варварам. Важным элементом этой «концепции» варварства было осознание идеи своего собственного превосходства над варварами, позднее нашедшее выражение в идеологии, которая в современной историографии известна как панэллинизм [6, с. 125].

Афиняне ассоциируются у зрителя с выдающейся мужественностью, в то время как Персия представлена женским началом. Молодые персидские мужчины отправились воевать, а после мы узнаем, что все они мертвы. На сцене появляются лишь немощные старцы и женщина, управляющая государством вместо мужа и сына. Царица Атосса — главный персонаж в драме, кроме того, ее образ можно рассматривать как стереотипный образ персидской ментальности в представлении эллина: она скорбит о судьбе лишь собственного сына, не вспоминая об остальных погибших воинах и о поражении Персии. Любопытно привести здесь цитату из «Высказываний неизвестных лакедемонянок» Плутарха, которая рисует совсем иной женский образ. «Одна спартанка, отправившая на войну пять своих сыновей, стояла у городских ворот, ожидая с нетерпением исхода событий. Обратившись с вопросом к первому проходящему, она узнала, что все ее сыновья погибли: „Я не об этом спрашиваю тебя: в каком состоянии находятся дела нашей родины?“ — „Спарта победила“. — „Хорошо, в этом случае я с радостью примирюсь со смертью моих сыновей“» (Plut. Lacaе., 6. 7; пер. Н. И. Лихаревой).

Вину за поражение персов Эсхил почти целиком возлагает на одного Ксеркса. Исполненный гордости и высокомерия, он погубил свой народ, бросив его на грабительскую войну против греков, и за это подвергся каре богов. Но высокомерие Ксеркса, бросающего вызов богам, как бы извиняется молодостью царя. Его главная ошибка заключается в неразумности, неспособности понять настоящее и предвидеть будущее.

Сама идея похода на Грецию, по Эсхилу, могла возникнуть у человека только в момент, когда он не в состоянии здраво мыслить, когда им владеет расстройство рассудка. Из этого следует, что причина катастрофы, постигшей Ксеркса, — интеллектуального порядки, это ошибка, заблуждение, коренящееся в образе его мыслей и толкнувшее его на нарушение божественных границ моря и суши [7, с. 486].

Сами персы, однако, не представлены в трагедии совершенно неповинными в войне с греками. Отчасти и они разделяют вину Ксеркса. Так, Дарий говорит, что все персы получили возмездие за свое высокомерие и за безбожные замыслы (Aesch. Pers., 808), за то, что они, придя в эллинскую землю, не стыдились рушить статуи и сжигать храмы богов (Aesch. Pers., 809), а эти действия, с точки зрения религиозных греков, считались тяжким преступлением.

И все же Ксеркс выведен в трагедии главным виновником войны и поражения персов, приведшим свой народ к гибели, и настоящим тираном. У Геродота, к примеру, Ксеркс вовсе не столь одиозный правитель-тиран, как у Эсхила. Видимо, поэт желал именно в этом отыскать причину поражения персов, и потому Ксеркс в его трагедии отличается дерзостью, высокомерием (Aesch. Pers., 820), трусостью и корыстолюбием. Чтобы ярче оттенить черты «тирана», Эсхил дает положительный образ персидского царя в лице Дария, которого поэт во многом идеализирует. Конечно, исторический Дарий был, согласно сохранившимся свидетельствам, незаурядным и дальновидным правителем, но Эсхил умалчивает о том, что Дарий предпринимал такие же грабительские походы, сначала на Скифию, а потом на ту же Грецию. Его Дарий не отличается тиранической заносчивостью. Хор старейшин прославляет счастливое время его правления [8, с. 15]. Старый Дарий, вопреки всему, что знал о нем поэт, предстает в пьесе снисходительным, благородным, богоравным властителем, любимым народом.

Эсхил привнес и религиозный момент в объяснение поражения персов. В начале трагедии хор говорит о коварном обмане богов, от которого не спастись человеку (Aesch. Pers., 93). Вестник считает виновником всего бога-мстителя или какое-то другое злое божество (Aesch. Pers., 353). Ксеркс, поверив ложному сообщению перед Саламинской битвой, обманулся, забыв, как мстительны и завистливы боги (Aesch. Pers., 362). Вместе с тем Эсхил видит причину победы греков в их мужестве (Aesch. Pers., 394), мощи и силе (Aesch. Pers., 237). Источник силы греков и их патриотизма, по представлению Эсхила, в том, что они не рабы, что они борются не из-за страха перед царем. Источник силы греков также в том, что они сражаются за свою родную землю, и эта земля сама помогает им в борьбе. Тень Дария говорит: «Сама земля является им союзницей» (Aesch. Pers., 792). Если враги чересчур многочисленны, она убивает их голодом (Aesch. Pers., 794).

Храбрость и сплоченность греков Эсхил старается продемонстрировать в трагедии с помощью всех возможных средств художественного воздействия. Прежде всего, поэт определенно стремится поразить числом и мощью персидского войска: «Персов славных вожди, начальники войск, стрелки-силачи на быстрых конях, суровы на вид, в бою горячи, непреклонны душой, отваги полны и грозной удалью славны» (Aesch. Pers., 26-28; пер. С. Апта), «несметной пошли толпою» (Aesch. Pers., 40; пер. С. Апта); их ведет Ксеркс, владыка многолюдной Азии; боевые колесницы с двумя и тремя дышлами — зрелище страшное на вид (Aesch. Pers., 48); из всей Азии пошли по зову царя (Aesch. Pers., 58) все племена, способные носить меч; непреодолимо и мужественно войско персов (Aesch. Pers., 91); нет такого сильного человека, который смог бы сдержать

поток героев (Aesch. Pers., 86); божество и судьба заповедали персам «воевать, сметая стены, упиваясь конной сечей, занимая с налета города» (Aesch. Pers., 104-106; пер. С. Апта).

В описании Эсхилом Саламинской битвы прослеживается тенденция преуменьшать число греческих кораблей и преувеличивать флот Ксеркса. Благодаря этому победа эллинов представляется более значительной. Геродот, описывая битву при Саламине, говорит, что греческий флот насчитывал 378 кораблей, кроме пятидесятивесельных судов (Her., VIII, 48), а Фукидид дает цифру 400 (Thuc., I, 74). Интересны и другие подробности сражения при Саламине, которые упоминает Эсхил. Говоря об известной военной хитрости Фемистокла и посылке вестника к персидскому царю (Aesch. Pers., 355–363), Эсхил не упоминает имени Фемистокла. Устами вестника Эсхил рассказывает и о менее значительном эпизоде — взятии пехотой Аристида маленького острова Пситталеи, захваченного персами (Aesch. Pers., 447–464). При этом имени Аристида он также не называет. Как отмечает Н. Ф. Дератани, Эсхил, по-видимому, специально не упоминает имена руководителей греческого войска, чтобы не разбивать впечатление единства греческого народа, которым руководило единое стремление к победе. В противоположность грекам персы, как безвольная масса, подчиняются вождям. Их имена, весьма сложно звучащие для эллина, перечисляются в трагедии три раза [8, с. 17].

В оценке «качества» той и другой армии Эсхил вновь исходит из противопоставления греческой свободы и персидского рабства. Армия персов повинуетя приказу лишь под страхом сурового наказания. Их начальники флота должны были отвечать головой, если хоть один греческий корабль прорвется через проходы у острова (Aesch. Pers., 367–371). Греков же воодушевляет и объединяет патриотизм, защита родины.

Рассказывая о военной хитрости Фемистокла, Эсхил устами вестника передает слова «одного эллина из воинства афинского», которого Геродот (Her., VIII, 57) и Плутарх (Plut. Them., 12) называют Сикинном. Трагик пропускает при этом известное из Геродота (Her., VIII, 75) сообщение о том, что Фемистокл якобы сочувствует персидскому царю и больше желает победы персам. В трагедии неизвестный эллин говорит персам лишь о предполагаемом бегстве греков. Эсхил избегает намека на распад единства эллинов и на возможность их отпадения на сторону персов.

Геродот сообщает, что в начале Саламинской битвы греки проявили нерешительность. Когда персы напали первыми, эллины хотели уже грести назад к берегу, но в это время афинянин Аминий из Паллены двинулся навстречу врагам. Тогда и остальные греческие корабли поспешили на помощь Аминию. Геродот приводит также рассказ о том, что перед греками внезапно появился женский призрак, который пристыдил их словами: «Труссы! Доколе будете вы грести назад?» (Her., VIII, 84; пер. Г. А. Стратановского). А в изображении Эсхила греки стояли на месте и не думали о бегстве (Aesch. Pers., 384). Именно они нападают первыми, а не персы.

Эсхил не подчеркивает мужества персов. В трагедии они лишь в начале битвы стояли твердо (Aesch. Pers., 412). «Когда же в узком месте множество судов скопилось, никому никто помочь не мог, и клювы направляли медные свои в своих же, весла и гребцов круша. А греки кораблями, как задумали, их окружили» (Aesch. Pers., 413–418; пер. С. Апта). Далее следует впечатляющая гипербола: «Моря видно не было из-за обломков, из-за опрокинутых судов и бездыханных тел, и трупами покрыты были отмели и берег сплошь» (Aesch. Pers., 418–421; пер. С. Апта). Воздавая должное богам, которые даровали победу Элладе, Эсхил вместе с тем прославляет единство, мужество и патриотизм

греков. Персия для поэта не просто конкретный политический враг и воплощение отсталого, менее гуманного, чем в родных Афинах, общественного устройства, но и прототип при изображении внешнего врага как угрозы самым глубоким корням греческой цивилизации. Эсхил философски осмысливает разгром неприятеля как исторически неизбежное возмездие и как грозное предостережение и урок завоевателям грядущих веков.

Благородный воинственный дух пронизывает все творчество Эсхила. Поставленная через пять лет после «Персов» трагедия «Семеро против Фив» дышит таким же патриотизмом и военной героикой. В комедии «Лягушки» Аристофан устами самого Эсхила называет ее трагедией, «полной Ареса» (Aristoph. Ran., 1021). Картина осажденного врагами города Фивы явно навеяна еще свежими воспоминаниями о вторжении персов в Балканскую Грецию [9, с. 96]. Под видом защиты города Фивы в мифологической гражданской войне Эсхил воскрешает войну с теми же персами и оборону Афин, хотя в реальности последняя была и не столь удачной. Трагедия начинается с пролога, в котором сразу выступает главное действующее лицо — Этеокл. Хор состоит из девушек: фиванки выражают свой ужас перед надвигающейся смертельной опасностью, причитают о судьбе женщин, которых ждут позор и неволя, и молятся богам о спасении Фив. Эсхил, переживший разгром и разорение Афин, передал в этом плаче хора всю глубину страданий, причиняемых завоевателями. Так мог выразить свою боль за истерзанную отчизну не каждый, пусть и гениальный поэт, а лишь тот, кто сам прошел через бездну мук. То, что в основе скорбного, напряженного звучания плача в «Семерых против Фив» лежат не изгладившиеся еще воспоминания о нашествии персов, видно и из того, что идущая на Фивы вражеская рать представляется хору иноязычной. А вождь фиванцев молит богов, чтобы они не впрягли свободную страну и город в ярмо рабства. Здесь, таким образом, тоже слышится отзвук борьбы за независимость от азиатского врага. Примечательно, что всех нападающих на Фивы вождей кроме Амфиарая Эсхил наделяет такими же тираническими чертами, какими обладают персы и особенно Ксеркс: они не чтут богов (Aesch. Sept., 539), они обладают гордостью (Aesch. Sept., 387, 391, 410), дерзостью (Aesch. Sept., 406), сверхчеловеческой надменностью (Aesch. Sept., 425, 436) [8, с. 19]. А главный герой трагедии Этеокл из мифического соперника своего брата Полиника перерастает в мужественного защитника родины против нашествия захватчиков. Таким образом, во многих, если не во всех трагедиях Эсхила так или иначе слышатся отзвуки войны с персами. Примечательно также, что независимо от того, где происходит действие трагедий, будь то Микены, Фивы или Аргос, их автор всегда имел в виду афинские реалии современной ему эпохи [10, с. 19]. Прибегая к аллюзии и используя мифологические образы, Эсхил заставлял зрителя невольно проводить параллели с событиями современной ему действительности.

Без сомнения, Греко-персидские войны оказали значительное влияние на жизнь всех эллинов, заставив их больше ценить свою свободу. Они же сформировали Эсхила как горячего патриота, который своими драмами воспитывал патриотизм и у своих сограждан, звал их к объединению против общего врага во имя свободы. Аристофан говорил, что Эсхил образами своих трагедий «поднимал сограждан до своих героев» (Aristoph. Ran., 1041). И не случайно, что именно на почве трагедий Эсхила у греков формируется представление об особой ответственности трагического поэта как творца эллинского духа перед своими согражданами и о том, что трагическая поэзия, как и театр в целом, должны носить не развлекательный, а прежде всего воспитательный

характер. Драматические постановки, и трагедии в частности, разумеется, не решали, да и не могли решить, конкретных политических вопросов, но они обращались к более общим проблемам социального бытия, к идейным и теоретическим истокам политических и моральных проблем. Обнажая перед зрителем эти проблемы, возникавшие в обществе, и перенося его в область высшей правды, театр заставлял человека тем самым задуматься о смысле сущего.

Источники и литература

1. *Радциг С. И.* История древнегреческой литературы. М.: Лист Нью, 2004. 542 с.
2. *Ярхо В. Н.* Комментарии. Персы // Эсхил. Трагедии. М.: Наука, 1989. С. 527–531.
3. *Said S.* Aeschylean Tragedy // A Companion to Greek Tragedy / Ed. by J. Gregory. Malden, MA: Blackwell, 2005. P. 215–232.
4. *Pelling Chr.* Aeschylus' Persae and History // Greek Tragedy and the Historian / Ed. by Ch. Pelling. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 1–20.
5. *Rabinowitz N. S.* Greek Tragedy. Malden, MA: Blackwell: Publishing, 2008. 205 p.
6. *Рунг Э. В.* Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // МНЕМОН: исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 125–166.
7. *Ярхо В. Н.* На рубеже двух эпох // Эсхил. Трагедии. М.: Наука, 1989. С. 467–496.
8. *Дератани Н. Ф.* Эсхил и греко-персидская война // Вопросы древней истории (ВДИ). 1946. № 1. С. 9–19.
9. *Каллистов Д. П.* Античный театр. Л.: Искусство, 1970. 176 с.
10. *Суриков И. Е.* Трагедия «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15–24.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2012 г.